

Простого наличия в средневековой алхимической литературе слов арабского происхождения, вошедших в повседневный обиход, как то: эликсир, алам-бик, атанор - было бы достаточно, чтобы показать историческую важность мусульманского этапа для последующего развития алхимии в христианских государствах Западной и Центральной Европы.

Хотя арабские алхимические тексты стали переводиться на латинский язык уже в X веке, однако лишь два столетия спустя алхимия укоренилась и получила широкое распространение в западном христианском мире.

Не следует также упускать из виду и роль Крестовых походов, создавших условия для плодотворного культурного обмена между исламским и христианским мирами.

Необходимо упомянуть еще одну страну, небезуспешно бросившую вызов Египту в споре об историческом приоритете в области алхимии, - Китай. Правда, мы можем позволить себе оставить это без внимания в работе, специально посвященной повседневной жизни христианских алхимиков на средневековом Западе. Очевидно, влияние китайской таоистской алхимии было ничтожно малым несмотря на бесспорное существование контактов (как по Великому шелковому пути, так и по морю), до сих пор еще мало изученных, между Западом и Китаем, осуществлявшихся не без участия посредников - арабов и индейцев.

Наиболее знаменитые мусульманские алхимики осуществляли делание задолго до своих христианских собратьев. Назовем великие имена Джабира ибн Хайяна (известного на Западе в латинизированной форме Гебер, около 720-800 гг. н. э.), аль-Рази (Разес, 800-940), ибн Сины (Авиценна, 980-1030). Обладатели этих великих имен прославились и в иных, нежели алхимия, областях (ибо невозможно было отделить одну деятельность от другой) - в медицине, философии и даже теологии. Мусульманским алхимиком, известным на Западе как Артефий (еще одно славное имя в области мусульманского герметизма), очевидно, был не кто иной, как поэт аль-Тограй (казненный в 1120 году н. э.). Что касается великого мусульманского мистика аль-Газали (умер в 1111 году), то он признавал только духовную алхимию (kimya essaadah, «алхимия блаженства»).

Цели алхимии

Уместно еще раз напомнить о практической цели, которую ставили перед собой средневековые алхимики. Роджер Бэкон в своем «Зеркале алхимии» дал ей такое определение: «Алхимия есть наука о том, как приготовить некое лекарство или эликсир, который, если прибавить его к неблагородным металлам, придаст им совершенство в самый момент соприкосновения».

Поскольку этой чарующей целью было изготовление золота, нет нужды напоминать, что труды алхимиков - даже если они и не преуспели в превращении простых металлов в «царя» минерального мира - в общем и целом носили практический характер, обогащая экспериментальное знание о минеральных телах, их трансформациях и смесях.

Отсюда лапидарное суждение историка, жившего в XIX веке, Луи Фигье: «Так скажем же наконец, что алхимия является матерью современной химии»[9].

И сегодня еще этот образ широко распространен в массовом сознании: труды средневековых алхимиков в лабораториях являлись своего рода долгой и колоритной «предысторией», - хотя и иллюзорной по своим надеждам, но весьма благотворной благодаря неожиданным находкам, - современной экспериментальной химии. Разве ученые XX века не реабилитировали основной принцип, на который опирались (пусть даже и иллюзорные) упорные труды средневековых алхимиков - единство материи, сочетающееся с возможностью перехода от одного минерального проявления к другому? А ведь еще химики XIX века, наследники Лавуазье, считали надежды на осуществление